

СВЯТАЯ ОТЧИЗНА

Николай Дегтерев

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРГИЙ ПУРОВСКИЙ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2016

УДК 244
ББК 86 372
Д261

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р15-517-0838

Художник С. Ефошкин

Дегтерев Н. А.
Д261 Преподобный Сергей Нуромский. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 64 с.: ил. — (Святая Отчизна).

Преподобный Сергей Нуромский, грек по происхождению, подвизался на Святой Горе Афон, но, узнав о равноангельском житии преподобного Сергея Радонежского, прибыл на Русь, чтобы продолжить иноческое делание под руководством великого русского святого. В книге рассказывается о том, как афонский монах стал отшельником в северорусских лесах, какие подвиги понёс, как основал монастырь на реке Нурме, а также о духовной дружбе святого с преподобным Павлом Обнорским.

Книга предназначена для детского и семейного чтения.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2016
© Дегтерев Н., текст, 2016
© Ефошкин С., иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-88017-493-5

МОНАХ С АФОНСКОЙ ГОРЫ

Необычным человеком был этот монах. Вообще-то в монастыре каждый был таким: не будет же обычный человек оставлять родительский дом, удовольствия и уходить неизвестно в какую даль, чтобы спасти свою душу. Для такого поступка нужно быть действительно и самоотверженным, и мужественным, и терпеливым. И в монастыре как раз такие и собрались. Одни иноки происходили из крестьян, другие — из боярских семей. Последним нужно было расставаться не только с родными, друзьями, но ещё и с богатством, с привольной жизнью, в которой не требовалось ни пахать, ни сеять.

Удивительно было видеть грека — а монах Сергей был по происхождению грек — в радонежских лесах. Первые сподвижники преподобного Сергея Радонежского помнили,

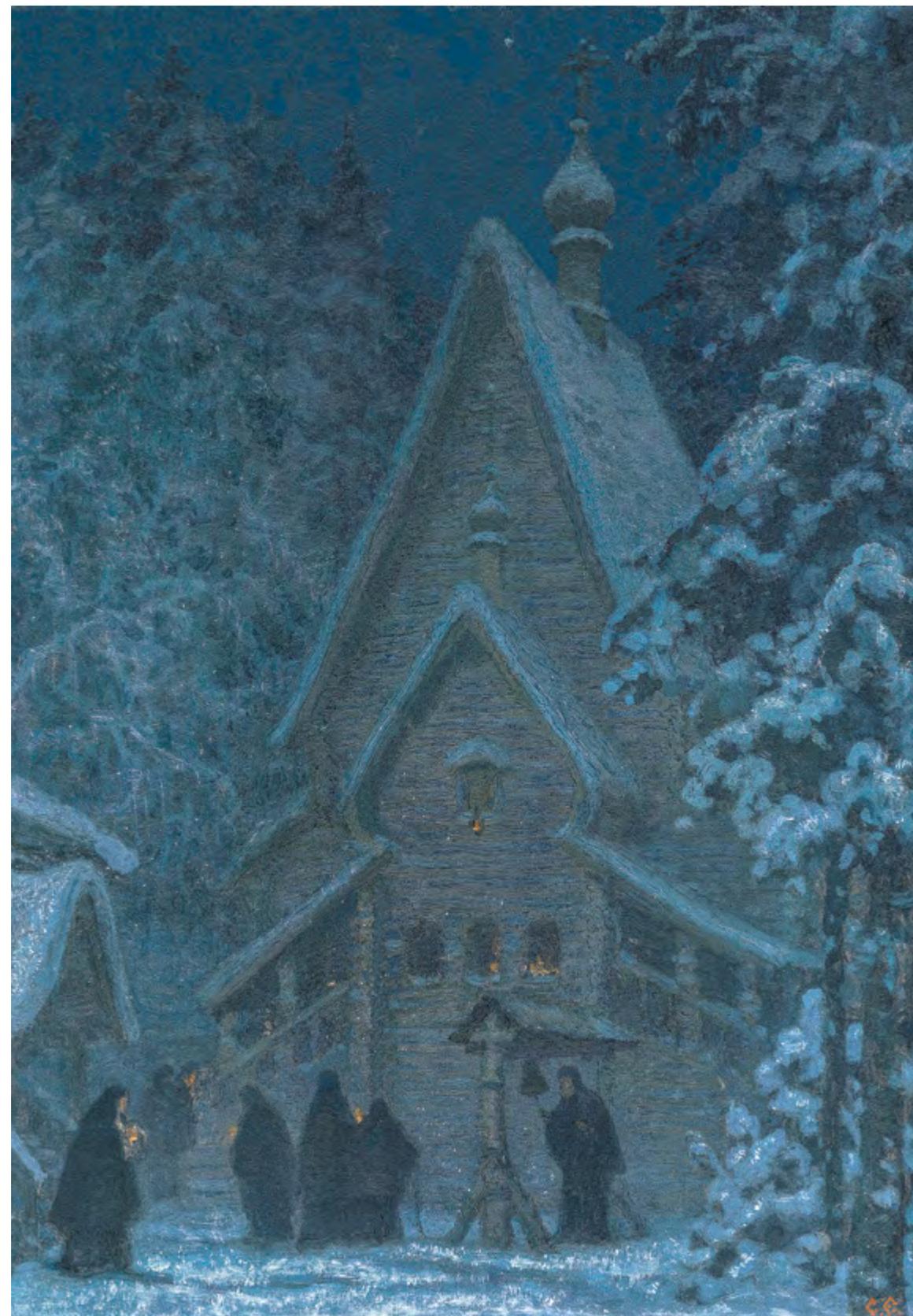

в какой глуши их наставник нашёл место для уединённой молитвы. Тогда, много лет назад, казалось, что сюда никогда не ступит нога человека. Ведь простой человек, даже из любопытства пожелавший взглянуть на отшельников, едва ли смог бы забраться в такую глубь леса. Но, как и в Евангелии сказано: *Не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14), так свет Сергиевой святости не смог укрыться за могучими северорусскими лесами. Поначалу заглядывали сюда люди бедные, а потом, когда дорога была проложена, стали ездить и бояре. А несколько лет назад — огромной неожиданностью это было и для преподобного Сергия, и для братии — появились вдруг посланцы от Константинопольского Патриарха. И ясно стало, что слава Радонежского игумена вышла уже за пределы Руси и достигла Греции. Вот оттуда-то и прибыл этот новый, очень необычный монах.

Помимо того что был он иностранец, он ещё и пришёл в Сергиеву пустынь из монастыря на Святой Горе Афон, называемой Уделом Пресвятой Богородицы. Это уж тем более было удивительно, что с Афона, с его давними монашескими традициями, вдруг за три тысячи вёрст пришёл человек в дремучий лес далёкой Руси. Но, значит, были на то у него свои соображения и была на то воля Божия.

Звали этого монаха тоже Сергий, как и Радонежского игумена. Ещё на Афонской Горе преподобный Сергий Нуромский был рукоположен в сан священника.

Постриженник Святой Афонской Горы быстро усвоил русскую речь. Но только мало он разговаривал — всё больше молчал. Видимо, хотел быть похожим в своём безмолвии на игумена Сергия. Вот таким молчаливым тружеником его чаще всего и видели братия. А так как о прошлом спрашивать было не принято — не для того же человек в монастырь приходит, чтобы тосковать по мирской жизни, — то так никто никогда и не узнал, что это был

за человек — афонский монах Сергей. Ни как его звали до пострига, ни как он раньше жил, — словом, совсем ничего о нём не было известно. Один из послушников как-то раз сказал игумену Сергию:

— Вот грек — как из другого мира человек.

А игумен только взглянул на грека, который в это время колот дрова, и тихо сказал:

— А он и правда — из иного.

Монах Сергей в трудолюбии и усердии к молитве старался не уступать своему игумену. Любили подвижники беседовать на духовные темы, хотя больше любили молчать, помня, что слово — серебро, а молчание — золото. И братья нового монаха полюбили, тем более что был он открытым, каждому, кому мог, помогал и никогда ни на кого не обижался. Долгое время подвизался афонский монах в Сергиевой пустыни. Постепенно к нему, трудолюбивому и кроткому, братья стали относиться со всё большим уважением.

А этого он очень не любил. Он вообще хотел, чтобы его никто не замечал, как будто его и нет. «Не для того же ушёл я из мира, чтобы здесь, в монастыре, искать славы земной, — рассуждал про себя отец Сергей. — Нет, я хочу сподобиться славы небесной, а она даётся тем, кто все свои желания отвергнет и будет исполнять только одну волю Божию». А воля Божия, в частности, в том и состоит, чтобы не добиваться признания у людей. На страницах Евангелия мы часто сталкиваемся с тем, что Господь, совершив исцеление какого-нибудь человека, просит его держать это в тайне. Правда, исцелённые часто рассказывали о чуде, несмотря на запрет. И слава о чудесах Иисуса Христа распространялась. Но Сам Господь не хотел прославлять Себя. Поэтому и человек, который всем сердцем тянется к Богу, не должен стремиться к славе земной.

Сколько ни скрывал монах Сергей своих трудов, сколько ни старался выглядеть незаметным, всё равно братия стали иногда сравнивать его с игуменом Сергием. А это уже была слава, которая больно колола сердце подвижника...

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО

Вечер. На монастырь опускаются сумерки. По тропинке, ещё влажной от недавнего дождя, идёт высокий стройный монах. Идёт неспешно, будто плывёт по воздуху: ряса почти достигает земли. Глаза святого опущены долу. Но на самом деле взгляд монаха устремлён в будущее, которое, как он уверен, откроется ему по благословию игумена.

Афонский монах подошёл к келье отца Сергия, и сердце его затрепетало. Он постучал в дверь и произнёс:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!

— Аминь, — тихо ответили из-за двери.

Монах вошёл и в который раз оглядел обстановку знакомой ему кельи. А необычного в этой обстановке — конечно,

для постороннего взгляда, а не для монашеского — было только то, что ничего в этой келье не было — кроме скамьи и икон. Да и тех было немного. И у стены этой пустынной комнатки сидел игумен Сергей, к которому даже князья за советом приезжали, сидел и зашивал свою латаную-перелатаную рясу.

— Благослови, отче! — поприветствовал монах Сергей игумена.

Благословив своего гостя, преподобный Сергей вновь принялся за починку рясы, давая возможность пришедшему к нему начать разговор.

— Отче, ведь мы, монахи, призваны Богом для того, чтобы стать похожими на ангелов?

— На ангелов, — подтвердил Радонежский чудотворец и пристально поглядел на монаха.

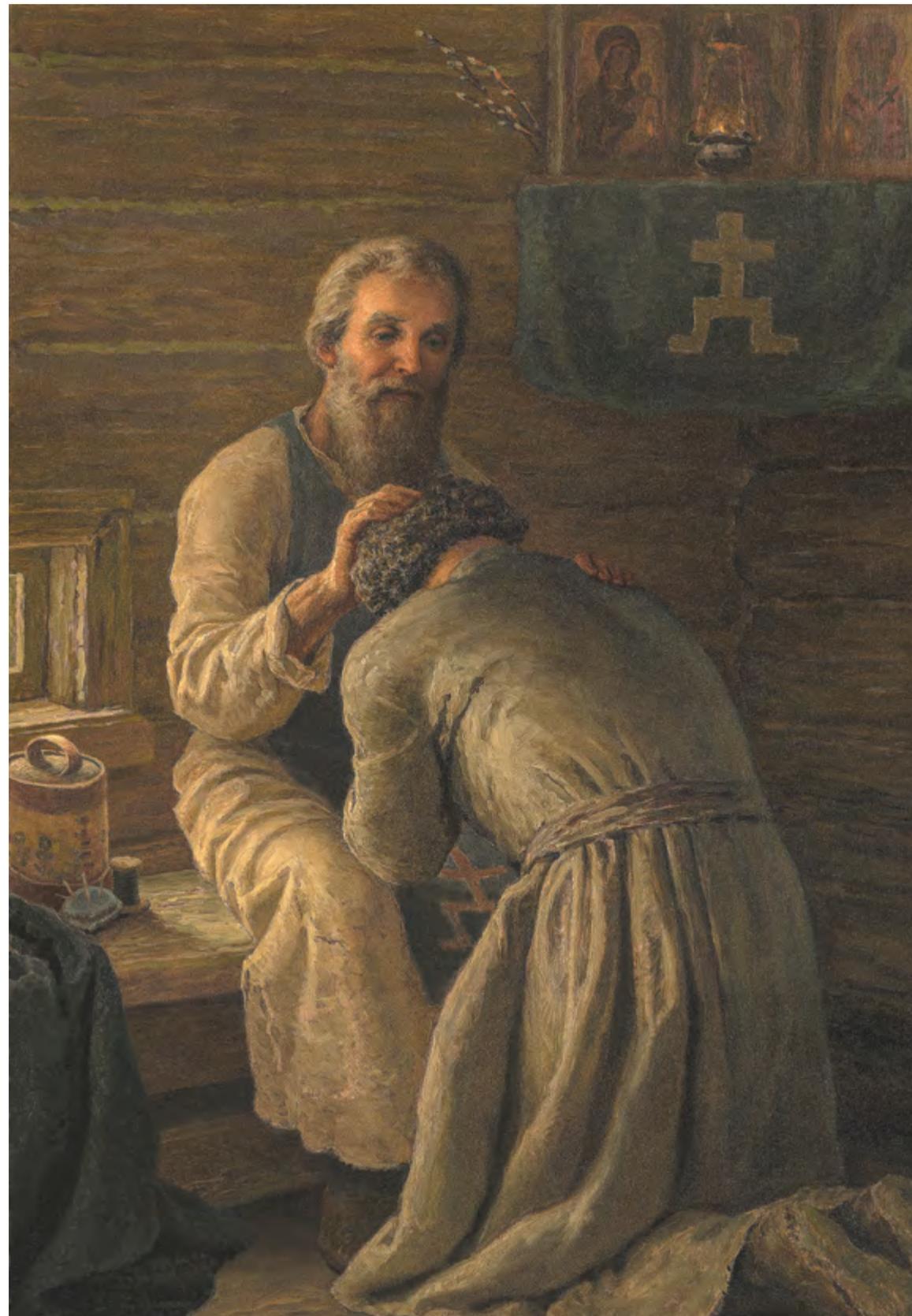
«Да он знает, зачем я пришёл!» — радостно подумал монах Сергей и продолжил с ещё большим воодушевлением:

— А ведь ангелы, которые видят сияние Бога, они хотят только его волю исполнять? И для них все наши земные красоты — вся вот эта природа, которой мы так любуемся, да и любое дело человеческое — для них всё это меркнет по сравнению с ослепительной красотой Господа?

— Так и есть. Верно ты говоришь, — ответил игумен.

— Так вот я думаю, отче, — продолжил монах, и слёзы выступили у него на глазах, — Господь на Страшном Суде покажет мне ангела и скажет: «Что же ты, Сергей? Вот на кого ты должен быть похож. Но ты не таков». Накажет меня за то, что я ленился, за то, что мог бы победить грехи свои, но не сделал этого.

Тут монах оборвал свою речь. Говорить ему было трудно: когда он думал о Суде, всегда становилось ему и страшно, и в то же время как-то особенно светло и радостно. Страшно — от грехов, которых он видел в своей душе великое множество.

А светло оттого, что там, на Страшном Суде, он увидит Самого Бога, создавшего мир и спасшего всех людей от смерти.

Монах подождал ещё немного — не скажет ли что-нибудь игумен. Но смиренный чудотворец продолжал рукодельничать и внимательно слушать.

— Отче, — продолжил монах Сергей, — здесь, в обители, я многому научился. У тебя боголюбивая братия, и я ни про кого не могу сказать даже полслова плохого. Но я-то, отче, я, грешный, никак не одолею своего славолубия. Видимо, слишком тщеславный я человек, слишком много внимания обращаю на то, что обо мне говорят. И вся моя душа занята этими мыслями. Вся душа занята ими — и для Бога-то в ней места нет!

Последние слова монах произнёс почти с плачем. Да и как не плакать, когда в твоей душе не остаётся места для Бога!

— И я прошу тебя, отче, я знаю, что и сам ты для спасения души ушёл в такую глушь, где тебя ни один человек не нашёл бы без воли Божией. Я прошу тебя, отче, отпусти меня из монастыря. Ведь если великим монахам, какими были преподобные Антоний и Макарий, пришлось идти в пустыню для борьбы со страстями, то куда полезнее мне удалиться в безлюдное место! Благослови меня, отче, на это! — закончил монах, но сразу же добавил с поспешностью: — Впрочем, не моя воля будет, но Господня и твоя.

Игумен молчал. Преподобный Сергей уже закончил зашивать рясу. Афонскому монаху показалось на мгновение, что отец Сергей уснул. Но нет, пальцы его двигались, перебирая чётки, — святой творил Иисусову молитву.

— А готов ли ты к зимним стужам? Готов ли ты к тому, что и пищу, и огонь тебе придётся добывать самому? Ведь, в отличие от монастыря, там, куда ты пойдёшь, никто об этом не позаботится, — сказал игумен после продолжительного молчания.

«Куда пойдёшь! — услышал монах. — Так, значит, он отпустит меня!»

— Не только готов, отче, но и жажду потрудиться ради славы Божией и усмирить своё разнеженное тело! — горячо ответил монах Сергей.

— А готов ли ты, — продолжил игумен, — к тому, что не с кем будет посоветоваться о духовной жизни, о духовной борьбе? Ведь там, куда ты идёшь, не будет ни отца Саввы, ни вообще кого бы то ни было.

— Мне будет недоставать наставников, — спокойно ответил монах, — но я верю, что Господь не оставит меня.

Игумен радовался такой искренней и убеждённой вере.

— А готов ли ты к тому, что враг рода человеческого будет мешать тебе? Готов ли ты к тому, что бесы явятся к тебе зримо и, может быть, будут избивать тебя? А может, будут действовать через злых людей. Готов ли ты и телом пострадать за Христа и быть верным Господу даже до смерти?

Трудно было ответить на этот вопрос, но, помолвившись, монах сказал:

— Да, честный отче.

Игумен поднялся, отложив свою работу, и, благословив инока, сказал:

— Иди, чадо. Бог с тобою.

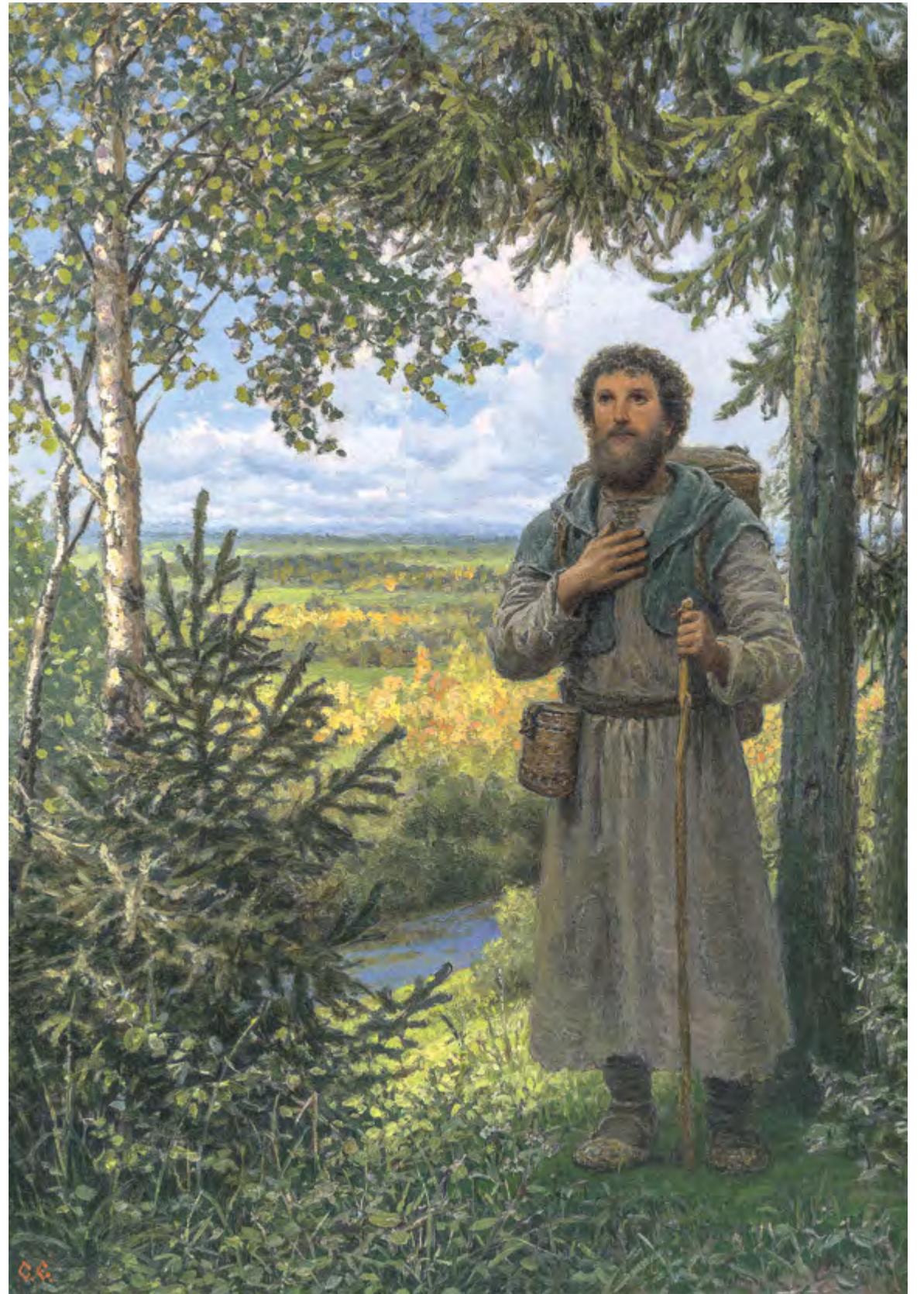

ИСПЫТАНИЕ ВЕРЫ

Монах Сергей шёл уже несколько дней. Запасы сухарей у него кончились, и непонятно даже, чем он питался. Может быть, ягоды лесные находил или какую-нибудь съедобную траву. Но не зря ведь говорят про тех, кто много постится и молится: «Душа носит тело своё».

Долго радостный монах искал среди лесов такое место, куда бы не могли прийти люди. Подвижник Сергей решил посвятить всю свою жизнь Господу, не заниматься посторонними делами, а только о Боге одном думать, трудами и молитвой служить Ему. И вот монах наконец-то нашёл то, что искал.

Подвижник перешагнул через поваленное дерево, и вдруг ему открылся чудесный вид. Среди деревьев — высоких, шумящих зелёной листвой — вдали виднелась речка. Он, конечно, не знал её названия, только позже выяснил,

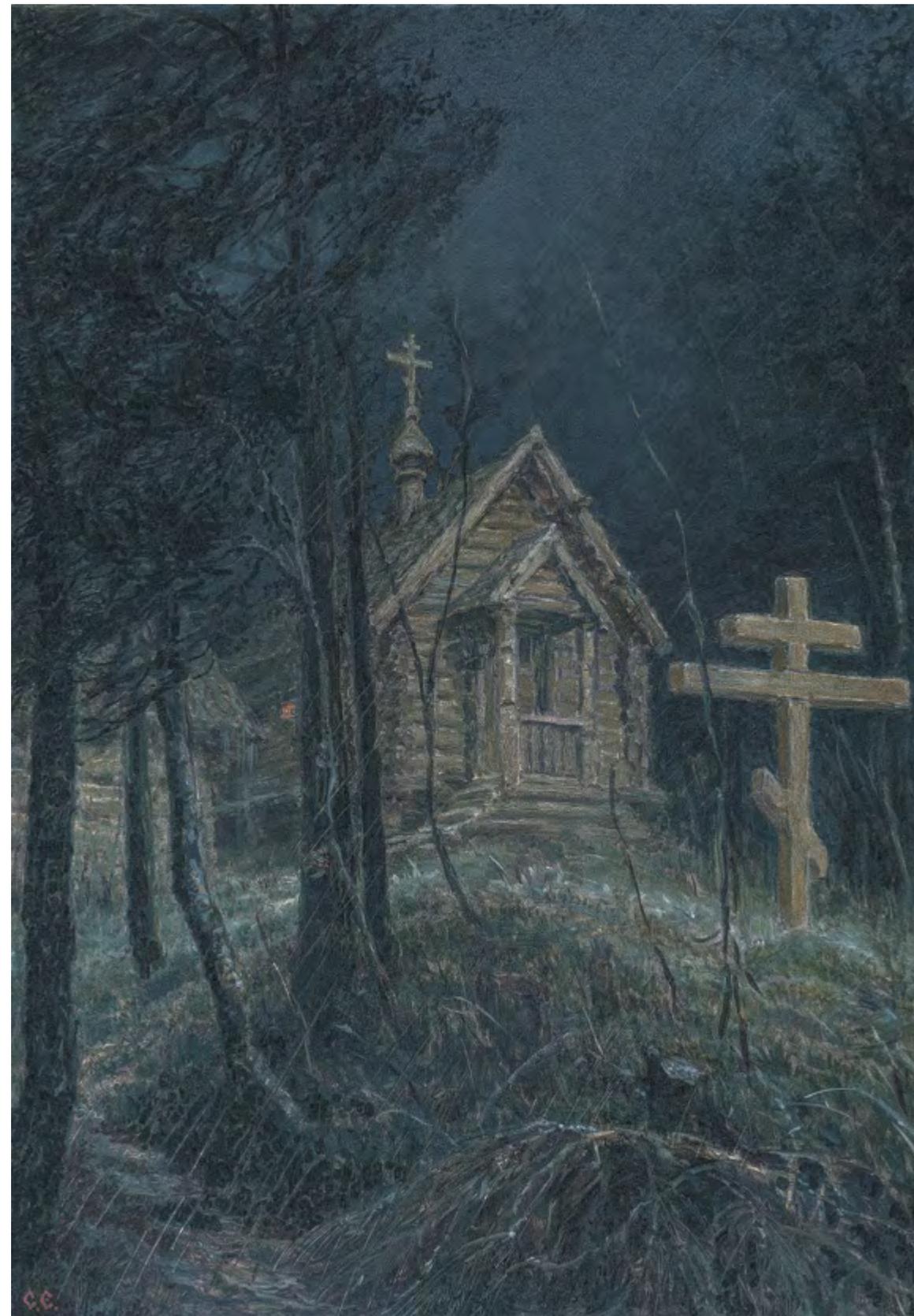

что называлась она Нурма. Речка протекала в низинке, к ней шёл из той чащобы, в которую забрёл монах, отлогий склон. *Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его* (Пс. 131, 14), — вспомнил монах Сергей слова из псалма святого царя и пророка Давида и стал благодарить Бога за то, что нашёл такое тихое место.

Несколько недель прошло с тех пор, как Сергей обосновался здесь. За это время он успел срубить маленькую часовенку, поставить для себя небольшую келью и водрузить крест. Всё, что он делал — рубил ли деревья, снимал с них кору, строгал, — всё это делал он с молитвой. И действительно, многому он научился в монастыре святого Сергия Радонежского: и плотницкому делу, и строительному. Но самое главное — молитве. Можно было даже и не слышать, как молится игумен Сергей. Достаточно было просто взглянуть на него, и становилось понятно, что этот человек — особый молитвенник.

Но вскоре для афонского монаха Сергия настали в его новом месте подвигов первые искушения. Нет, не работа его тяготила, работать он любил. Он и в монастыре работал не покладая рук. Тяготило то, что не было рядом никого. Ведь раньше, в обители, он мог в любой момент совета спросить — у игумена Сергия, у отца Саввы, у отца Никона. В любой день можно было исповедаться. А здесь — всё один да один. И мысли придут мрачные — на одного Бога надейся, на то ты и монах! Вот, например, нападёт ночью на отшельника какой-нибудь страх — может, волк завоет где-нибудь поблизости или просто лукавый устрашит — встанет монах на молитву да, бывает, так и простоит до самого утра, прося Бога защитить его. И Господь никогда не оставляет Своего монаха Сергия без поддержки.

Утешал себя подвижник тем, что и древние монахи — люди святой жизни — уходили в пустыни и там молились

в одиночестве. Да так долго там жили, что одежда на них истлевала и негде им было взять новую. «А уж тем более мне, грешному, надо поработать для Господа — и молитвой, и постом, и руками», — думал пустынный.

И захотел Господь испытать отца Сергия.

Однажды ночью монах, как обычно, молился. Вдруг ужасный шум раздался вокруг него, и вся келья наполнилась бесами. Святой подвижник Сергей знал о них, слышал много рассказов — и на Афоне, и в Сергиевой пустыни. Он знал, что они ужасные, отвратительные. Но никогда ещё не видел их воочию.

На пустытника на мгновение напал страх. Бесов было много, и все они были похожи на каких-то зверей или других непонятных мерзких созданий. Кто был похож на обезьяну с человеческими глазами, кто на волка, кто на кабана. Все они хотели схватить и растерзать монаха, но неведомая сила, будто стена, не давала им сделать этого. Впрочем, преподобный Сергей не рассматривал их, а немедленно обратился с молитвой ко Господу. Перекрестился, попросил у Бога защиты — и бесы мгновенно растаяли, как дым. Ведь Господь всем повелевает, даже своими врагами. А они Его ужасно боятся.

Келья святого снова стала пустой, за маленьким окошком шумел ветер и слышно было, как падают капли дождя. Всё было тихо в природе, и ничто не напоминало о том, что минуту назад здесь было огромное количество бесов.

«Как же будет страшно в аду, если вот такие там будут нас мучить!» — подумал среди наступившей тишины преподобный Сергей. Увидев бесов так близко, он вдруг понял — даже не понял, а сердцем ощутил, — как страшно попасть в ад. Как страшно отречься от Бога, как страшно прогневать Его своими грехами!

Но с ещё большим чувством он сейчас ощутил благодарность Богу. Ведь Господь спас его от этих злых чудовищ!

